

Страшно жить...

„Есть великая и трогательная радость в сознании того, что здесь, в нашей безгрозной огромной, но бедной, великой, но обиженой радостями странг—вместе с нами живеть и мыслить этот великий дух, больше трех четвертей века бьется это чудесное сердце, откликающееся на великое биение жизни... Съ Толстым радостно, без Толстого страшно жить“...

Это писал два года назад журнал „Образование“ в жутком предчувствии того глубоко трагического момента, который должен рано или поздно наступить в истории человечества.

Момент наступил...

Великий дух уже не мыслить вместе с нами...

Чудесное сердце перестало биться...

Глаза, обладавшие дивной способностью проникать въ глубочайшие тайники человеческой души, навсегда смежились...

Было что то ужасительное, болезненное, дававшее уверенность и твердость, въ сознании, что какъ бы ни были обширны и велики неустойчивость мира и паршал въ немъ несправедливость, чѣмъ бы новымъ ни дарилъ насъ жизнь въ этой области, все это не только не найдеть одобрения со стороны этой паршал надъ человечествомъ совести, но заставить заувачать ее съ такой невѣдомой силой, что гольсь она неизбежно проникнетъ туда, гдѣ обычная человеческая слова уже потеряли свою силу.

Не рыдастся болге мощныхъ „Стыно!“, „Не могу молчать“!...

Если простое ухудшение органовъ правосудия вызываетъ въ нашихъ сердцахъ тревогу и боль, то что же мы должны ощущать отъ безвозвратной и непоправимой потери праведнѣйшаго и величайшаго изъ судей, когда либо существовавшихъ.

Вѣдь ужъ нѣтъ болге среди насъ крупнѣйшаго авторитета въ самыхъ мучительныхъ вопросахъ, волнующихъ человеческую душу, не заречетъ онъ болге своего приговора, „оставляшаго неизмѣримо высшее удовлетворение, чѣмъ въ человеческие суды, влзтые вместе“.

Колосецъ, къ которому привыкла обращаться мысль во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ и отвѣтовъ котораго съ важною ждало все человечество, болге не существуетъ.

Не хватить силы преодолѣть въ себѣ весь ужасъ совершившагося.

Кажется рухнула крупчайшая изъ сдержекъ, сковывавшихъ зао мира, и вырвется оно изъ своихъ нѣдръ и прокатится по всему лицу земли.

Чего болгаться? Его ужъ нѣтъ... Онъ уже судить не будетъ... И дѣлается страшно...

Вчера было еще на небесахъ сводѣ это великое свѣтило, вчера еще грѣло оно, давало бодрость и силу, вливало во все живущее благотворную энергию.

Сегодня его нѣтъ, оно померкло...

Въ душѣ пустота, тоска, мысль отказывается признатьъся и долго еще не примирится съ тѣмъ, что его нѣтъ...

Ибо безъ него страшно жить...

Ф. Б.—о.

Л. Н. Толстой по воспоминаніямъ одного изъ знавшихъ его.

(Беседа съ В. Н. Джонсъ).

Въ 1887 г., будучи студентомъ петербургскаго технологическаго института В. Н. Джонсъ чрезвычайно заинтересовывается той стороной женскаго вопроса, которая проявилась тогда въ стремленіи женщинъ къ высшему образованию.

Случайно прочитавъ статью Слэбичевскаго, нападавшаго на Л. Н. Толстого, какъ на противника женскаго движенія, онъ рѣшаетъ перечитать всѣ произведенія автора „Войны и мира“.

Болге близкое знакомство съ твореніями Л. Н. ставящаго мыслящему человеку такъ много вопросовъ и, повидимому, нерѣдко такъ противорѣчащаго самому себѣ, побуждаетъ молодого студента искать личнаго знакомства, чтобы путемъ непосредственной бесѣды съ великимъ учителемъ выяснитъ мучившія его недоумѣнія.

Случай къ этому не замедлитъ представиться.

Въ 1888 г. В. Н. Джонсъ послѣ тяжелой болѣзни приуженъ былъ ѣхать отдохнуть и поправиться къ своимъ роднымъ въ Тульскую губернію, въ имѣние, расположенное близъ Ясной Поляны.

Въ это время уже появилась и ходила по рукамъ въ рукописномъ видѣ „Крейперова соната“.

Но достать ее было не легко, и вотъ, послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ, В. Н. Джонсъ рѣшается познакомиться съ Л. Н. и попроситъ желанную рукопись у ея автора.

Отправившись въ Ясную Поляну, В. Н. Джонсъ повстрѣчался съ великимъ писателемъ въ полѣ—Л. Н. съ косяю на плечать возвращался домой. Это было 22 іюля 1888 г.

Левъ Толстой

Речь шла о „Крейцеровой сонате“, женском вопросе, браках и высшем образовании.

И ни по одному из затронутых вопросов Л. Н. не оказался тем, у кого дикторнею, каким его представлял себя его юный слушник.

Он не был противником брака, как не был и противником женского равноправия.

Затянувшийся разговор перешел на тему о физическом труде; при этом Л. Н. замечал: „я думаю, что каждый должен трудиться, и если бы мы появились на земле внезапно с какой либо планеты, необходимость ручного труда казалась бы нам совершенно естественной.“

Но позавиднее нас многовекковое историческое прошлое, традиции которого господствуют над всеми укладами нашей жизни. Даже многие лучшие из современных христиан не занимаются физическим трудом*.

Перейдя на статью Бондарева „О хлебном труде“, Л. Н. соизволял прочесть ее, и, продолжая разговор на аграрные темы, сказал: „я помню время, когда лучшие люди сталились быть рабовладельцами; скоро будут стыдиться быть землевладельцами!“

К этому времени они подошли кь дому и Л. Н. попросил своего юного собеседника зайтись нему. Комната Л. Н. в нижнем этаже была небольшая, скромно обставленная, с простой кроватью и масовой кляжкой.

Вернувшись домой с экзаменатором „Крейцеровой сонаты“, В. Н. Джонс принял ее за переписку.

Впечатление первой беседы и этого произведений на молодого технолога была потрясающим, раз навсегда определившим отношение кь Л. Н. Толстому не только как кь несравненному художнику слова, но, главным образом, как кь учителю жизни.

Такова была простота и чарующая искренность Л. Н., что со дня своего первого знакомства, уверяет В. Н. Джонс, онъ никогда не испытывал въ присутствии Л. Н. того чувства стеснения и нѣкоторой боли, которое нередко вызываетъ близость великихъ людей.

На мучительный вопрос, заданный ему молодымъ технологомъ, какъ и зачѣмъ жить?— Л. Н. отвѣтил: „чѣтъ рецепта жизни. Давайте, какъ можно больше, берите, какъ можно меньше и не забывайте о любви!“

Постоянно встрѣчался съ Л. Н., В. Н. Джонс привыкъ видѣть въ немъ своего учителя во всѣхъ трудныхъ вопросахъ жизни и никогда Л. Н. не отвѣчалъ на просьбу о помощи или совѣта формально.

Когда въ 1890 году В. Н. занялъ мѣсто лаборанта въ харьковскомъ технологическомъ институтѣ, Л. Н. спросил его: „Вы кончили технологический институтъ, почему же не стали инженеромъ? Вѣдь они получаютъ очень хорошия оклады?“ И на отвѣтъ В. Н. Джонса, что не для всѣхъ же въ борьбѣ труда вопросъ рѣшается размѣромъ оклада, Л. Н. замѣтилъ: „я знаю, что услышу это, и ниѣ это пріятно. У народа недостатка нищевыхъ средствъ, въ этой области надо поработать*.“

Вѣчная забота Л. Н. о ближнемъ не знающемъ ни радости, ни увѣренности въ кусекъ хлѣба для себя и для своихъ дѣтей, заставила молодого В. Н. Джонса глубже заинтересоваться народомъ и своими къ нему обязанностями.

Знакомство съ Л. Н. неизбежно вело всякаго къ болѣе высокому пониманию смысла жизни и болѣе строгому отношению кь себя лично.

Ежегодно проводя лѣто въ Тульской губернии, В. Н. Джонс встрѣчался съ Л. Н. у Чертовыхъ. Известно его любовь къ музыкѣ. Нередко у Чертовыхъ Л. Н. просилъ сыграть ему что нибудь изъ Шопена. И подолгу сидѣлъ и слушалъ.

Среди друзей Л. Н. любилъ шутить, задавалъ загадки и иногда самъ декламировалъ декадентскіе стихи. Его простота производила чарующее впечатлѣніе и въ серьезномъ разговорѣ онъ былъ удивительно проникновененъ и искренъ. Отъзывчивость его была поразительна.

Среди молодежи посѣщавшей Л. Н. была случайно и Витрова, которая, какъ тогда говорили, впоследствии сожгла себя въ Петропавловской крѣпости.

Знакомство было въ полномъ смыслѣ слова юнотлетнымъ. Но сколько горя причитали ей безвременная смерть Л. Н., какія старания употребили онъ, что бы выяснить истину этого мрачнаго эпизода исторіи Петропавловской крѣпости!

Затѣмъ, какинъ глубокимъ горемъ была для него высылка за границу Чертова за возмание по поводу духоборовъ.

Чарующая доброта Л. Н. не могла не отразиться на отношеніе кь нему окружающихъ крестьянъ.

Когда кто хотѣлъ показать на болѣе гуманное отношеніе кь людямъ, то говорили: „а Л. Н. не такъ бы поступилъ“.

Съ 1900 году проф. В. Н. Джонсъ переводится въ тожскій технологическій институтъ и болѣе близкія отношенія со Л. Н. возобновляются лишь послѣ 1904 г.

Въ 1905 году, въ разговорѣ о сельскохозяйственныхъ забастовкахъ Л. Н. сказалъ: „они правы, требуя за свой трудъ больше; нехорошо только, что они силой принуждаютъ несогласныхъ съ ними“. Въ другой разъ Л. Н. сказалъ: „Указное дѣло творить эти божи, экспроприацие... какия масса молодежи гибнетъ. Я, вѣдь, понимаю ихъ; я самъ когда то чуть было не сдѣлался такимъ же охотникомъ, подстерегающимъ и убивающимъ враговъ“, Л. Н. намекалъ на свое участіе 51—53 годъ въ дѣлахъ на Кавказѣ.

Въ послѣдніе годы часто бѣсымъ Л. Н. обращались къ вопросу о смертныхъ казняхъ и преслѣдованіи его учениковъ.

Послѣдній разъ проф. В. Н. Джонсъ видѣлъ Л. Н. послѣ създа естествениспытателей и врачей зимой прошлаго года.

Были рождественскіе праздники, когда В. Н. Джонсъ пріѣхалъ въ Ясную Поляну.

Л. Н. собирался уходить и позвалъ гостя съ собой: „пойдемте на елку, которую дочь моя встроила для исполняющихся дѣтей“.

*архивариусъ академіи наукъ
его и отдалъ сказку ему, что
онъ имъ подарилъ книгу, а
если его не мажоръ, а
всемъ же, а
многочисленныя, а
чужь въ лесу, а
въ тѣмъ же, а
всего же, а
никогда же, а
онъ же, а*

Факсимиле рукописи Толстого.

Пошли въ другой домъ, гдѣ лѣтомъ жили Кузминскіе. Съ Л. Н. были: докторъ Маковецкій и зять Л. Н. Сухотинъ. Былъ еще одинъ крестьянинъ, только что сообщившій, будто бы въ мѣсяцъ Фигнера изъ за покражи нѣсколькихъ деревьевъ изъ господскаго лѣса убили нѣсколько человѣкъ. „Опять эту же ужасъ!“ сказалъ Л. Н., чрезвычайно возмущенъ.

Пришли. Масса дѣтей оказывается, выдано болѣе двухсотъ входныхъ билетовъ Сухотинъ замѣтилъ, какъ бы тутъ не повторилась „Ходынка“.

Домъ, въ которомъ родился Толстой.

Л. Н. заволновался и самъ немедленно принялъ мѣры, чтобы всѣ шли по парно, не толпясь на лѣстницѣ, не тѣсняя другъ друга.

Вечеръ промель очень удачно Дѣти веселились.

Но какъ только дѣтей надѣяли подарками, Л. Н. бросился къ дверямъ, что бы не допустить торопившихся съ подарками домой дѣтей причинить въ суматохѣ какой либо вредъ другъ другу.

Все было окончено. Дѣти, а за ними и взрослые, вышли на улицу. Здѣсь яенополнскія крестьянки поджидали своихъ ребятъ.

Варуъ раздался крикъ. Л. Н. мгновенно бросается туда.

Оказалось, одинъ ребенокъ случайно не получилъ подарка и мать принялась безжалостно бить его за это. Л. Н. воскликнулъ: „что ты дѣлаешь, какъ тебѣ не грѣшно!“ и, бросившись самъ въ домъ, принесъ подарокъ рыдавшему ребенку.

Послѣ елки вернулись домой и много часовъ еще провели въ бесѣдѣ. Среди гостей былъ одинъ начинающій авторъ, читавшій свое произведение Л. Н. Не смотря на страшное утомленіе, Л. Н. долго его слушалъ.

Заканчивая свою бесѣду, проф. В. Н. Джонсъ указалъ, какъ мало мы еще знакомы съ истинными взглядами Л. Н. и обратилъ наше вниманіе на слѣзующія мѣста изъ его, кажется, нигдѣ не напечатаннаго отвѣта по поводу закрытія стодичныхъ комитетовъ грамотности: „я думаю, что вмѣсто уничтоженнаго комитета грамотности возможна дѣятельность обществъ грамотности съ тѣми же задачами и независимо отъ правительства, не спрашивая у него ни какихъ цензурныхъ разрѣшеній и предоставляя ему, если оно захочетъ, преслѣдовать эти общества, карать за нихъ, ссылать и т. д.“

Если оно это будетъ дѣлать, то только придастъ этимъ особенное значеніе хорошимъ книгамъ и библиотекамъ и усилитъ движеніе къ просвѣщенію. Мнѣ кажется, что теперь важно дѣлать доброе спокойно и упорно, не только не спрашиваясь правительства, но сознательно забывъ его участія.

Со времени Радицева и декабристовъ способъ борьбы употреблялось два: одинъ способъ—Стенки Разина, Пуга-

чева, декабристовъ, революціонеровъ 60 год., дѣятелей 1 марта и другихъ; другой тотъ, который проповѣдуется и пріимается нами—способъ „степенноевцевъ“, состоящій въ томъ, чтобы на законной почвѣ безъ насилія, отвоюывать понемногу себѣ права. Оба способа, не переставая, употребляютъ уже болѣе полу столѣтія на моей памяти, а положеніе становится все хуже и хуже!“.

Указавъ, почему по его мнѣнію оба эти способа негодны, Л. Н. Толстой задаетъ вопросъ: „что же дѣлать? Очевидно, не то, что въ продолженіи семидесяти лѣтъ оказалось безплоднымъ и достигало обратныхъ результатовъ. Что же дѣлать? А то самое, что дѣлаютъ тѣ, благодаря дѣятельности которыхъ совершилось все то движеніе впередъ, къ свѣту, къ добру, которое совершилось и совершается съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ мѣръ. Вотъ это то и надо дѣлать. Что же это такое? А простое спокойное правдивое исполненіе того, что считаетъ хорошимъ и должнымъ, совершенно независимо отъ правительства, отъ того, что это нравится или не нравится ему... отстананіе своихъ правъ разумнаго и свободнаго человѣка безъ всякихъ уступокъ и компромиссовъ, какъ только и можетъ отстаиваться правдивое человѣческое достоинство“. „Я высказываю* то, что считаю истинной, опредѣляю, какъ умю, то, что считаю заблужденіемъ; но, предоставляя каждому принимать или отвергать мои положенія, не обращаю ни къ кому съ требованіями или пригласеніями усвоить мои взгляды.“

Не дѣлаю я этого потому, что знаю, что у каждого есть свое длинное духовное прошлое, есть свой процессъ познанія истинъ, и знаю, какъ сложна эта духовная работа и какъ невозможно въ ней чужое вмѣшательство“.

Вс. Крутовскій

Толстой за работой въ Яенополнскомъ кабинетѣ.

(Съ карт. И. Рѣпина).

Толстой и японцы.

Умеръ великій печальникъ земли. Умеръ пророкъ, не знавшій ни эллина, ни иудей; одинаково всѣмъ близкій, всѣмъ родной...

Я уже вижу слезы, которыя прольютъ народы; я уже чувствую ихъ безутѣшную печаль.

Есть-ли на свѣтѣ уголокъ, гдѣ-бы не знали дорогого имени? Если и есть, то, вѣроятно, тамъ, гдѣ нѣтъ людей.

Великая смерть будитъ всѣ воспоминанія, всѣ мысли, всѣ слова, связанныя съ нимъ—съ нимъ однимъ.

*) Письмо къ православному священнику, (Рус. Сл.).

Это было сразу после русско-японской войны. По долгу службы журналиста мне пришлось переплыть через японское море и очутиться в стране Восходящего Солнца.

„Восходящее солнце“ все еще было багряным. Кроваво-манчжурских полей не успела еще застыть на нем.

Я встретил Японию ликующей, захлебывающейся в победных влках и от восторженных встреч манчжурских триумфаторов.

Я не знала, куда дваться... Было больно за животную радость; больно за нашу вдвойне истерзанную родину.

Не осуждая победителей, я решил переждать когда остынет их бурный энтузиазм.

Считаясь однажды со своим русским приятелем по столицам островного царства, мы забрали в редакцию влиятельной японской газеты, опирающейся на парламентские круги и издающейся при участии и посредничестве двух видных депутатов нижней палаты. Нам представляли со-трудникам и одному из редакторов, редактирующему в то же время большой двухнедельный политический и художественно-литературный журнал. Секретарь редакции, служащей переводчицей, обратилась с вопросом:

— Господин редактор знает нам большую просьбу. Его, видите-ли, интересуют произведения русской литературы, на которую у нас в настоящее время большой спрос! Если есть у вас какаянибудь произведение, уступите их нам.

Мы были приятно ошеломлены этой неожиданностью. Правда, нагасакиские друзья предупреждали нас относительно наойливости японских газетчиков, относительно большой склонности их к попрошайничеству. Но тем не менее просьба эта нас обрадовала. Мы радовались потому, что это расфинансовало наше представление о японцах, как о влюбленных в себя войнах, ничем не интересующихся, кроме вопроса военной субординации.

У меня был с собою последний том сочинений Горького, тогда еще кумира нашего читающего общества. Я предложил его нашим гостеприимным хозяевам.

Через некоторое время нам передали ответ редактора.

— Это Горький, Горький! Наш читатель, знаете ли, его не понимает. Мы печатали некоторые из его рассказы, но их даже критика не заметила, а на что она у нас падаю до всего русского. Вот наш Толстой—другое дело. Мы печатаем уже третье издание его небольших вещей. Пусть вам не покажется это странным.— Наш читатель увлечен откровением об homo novus, о партеи Божием, о братствѣ людей и народов.

Долго так говорил наш собеседник и его скульптурное лицо, окрашенное в нам шетинистых волос, до того казавшееся нам чужим и холодным, как то преобразилось. Сь нами говорил уже не победитель, закованный

Толстой косит, сь рис. Рѣпина.

в латы милитаризма, а побѣжденный человек, запутавшийся в исканиях смысла и цѣли земной жизни.

У нас не было съ собой никаких книг, но мы обещали по приѣздѣ на родину выслать их своим новым друзьям.

Вскорѣ мнѣ пришлось встрѣтиться съ молодым японским беллетристом и переводчиком русских произведений Хогесава. Это, пожалуй, единственный человек из всѣх кого я встрѣчал въ Японию, сразу рѣзко подчеркнувший свое отрицательное отношеніе къ только что закончившейся войнѣ. Онъ весь был пропитанъ учением Толстого, почему то смѣшивал его съ социализмом.

— Вот пройдет угаръ войны, говорил онъ, улягутъ страсти и люди снова останутся сами собой. Здѣсь вѣднѣи они долго будут думать тяжелую думу о смыслѣ жизни и не разъ зададутъ себѣ вопросъ—въ чемъ моя вѣра. Наелнѣи они легче вымутъ все безсмысленное истребленіе человека человекомъ, весь ужасъ, весь позоръ братоубийства. Изъ нужно только сказать большое слово, а это слово по силамъ только пророку. Нашъ народъ въ обшемъ не злой. Въ нашей странѣ тоже много несчастныхъ...

И мнѣ не надо было словъ. Я и безъ нихъ понималъ этотъ трепетъ сердца молодой Япони. И талантливый беллетристъ переводчик не ошибся. Уже черезъ три года его народъ жадно ловилъ слова учения великаго утвердителя жизни. Теперь, кажется, нѣтъ въ Япони ни одного грамотнаго человека, который бы не зналъ о Толстом, о его учени. Его идеи, брошенные любящей рукой молодыхъ просвѣдвателей, дали обильную жатву. Земля островнаго царства, удобренная бессмысленными жертвами манчжурскихъ полей, дала соки новымъ росткамъ и черезъ школу привела въ подростающемъ поколѣннн сознание смысла и значенія великаго учения. И незадолго до смерти Толстого сильные японскаго міра въ поразительныхъ успѣхахъ учения Толстого увидѣли для себя опасность. Они повторили инквизицію своихъ европейскихъ собратьевъ: отняли у народа книги, лишили дѣтворю учебниковъ, озаренныхъ свѣтомъ и любовью великаго печальника. Но врядъ ли они могли вытравить изъ сотенъ тысячъ сердець глубоко запавшій туда сѣмена учения.

И вотъ теперь, когда его уже нѣтъ, когда исполненное вѣліе разорвало тѣлесную оболочку гиганта міровой мысли и духа, каковыя пророчества кажутся сказанными имъ на смертномъ одрѣ послѣдніи слова о миллионахъ несчастныхъ разбланныхъ по свѣту.

И. П.

Толстой въ Ясной Полянѣ и дерево бѣдныхъ.

Редакторъ Г. Б. Бактговъ.
Издатель Сибирское Товар. Печ. Дѣла.